

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОГО ПРОЗЕЛИТИЗМА В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

*Ж.Е. Нурбаев, к.и.н.,
Университет КазГЮУ*

Во второй половине XIX века процесс присоединения завершается насильственным захватом, завоеванием и административным подчинением Казахстана Российской империей. В это время, кроме военных подходов, широко применяются методы реформирования управления краем, попытка ломки традиционных форм управления и навязывание сверху новых. Создание в 1868 году “Переселенческого комитета” способствовало усилению миссионерской деятельности. «Поэтому наряду с административным переустройством казахских степей, - пишет известный отечественный историк С.Д. Асфендияров, - была поставлена миссионерско-колониаторская работа в целях ассимиляции и обрусения края. Кроме того, эта деятельность должна была прививать «устои» самодержавия и верноподданничества как в среде покоренных народов, так и казачьего и переселенческого крестьянства» [1.201].

Империалистическая политика царской России в Казахстане носила широкомасштабный характер и опиралась на все государственные и общественные структуры, в том числе и на православную церковь в лице Департамента духовных дел.

К 60 - 70-м гг. XIX в. происходит переориентация Российской империи в государственно-конфессиональных отношениях. Царизм берет курс на поощрение и поддержку русской православной церкви в деле обращения казахов в православие. Именно к этому периоду относятся теоретико-идеологические обоснования необходимости осуществления широкомасштабной политики христианизации коренного населения Казахстана как государственными служащими, так и церковнослужителями. В 1872 году в журнале «Православное обозрение» священник И. Сотников доказывал возможность учреждения миссии среди казахов Среднего жуза и также считал, что «на первый раз, миссионерские станы нужно учреждать в тех местах, где мусульманство несколько слабее». Такими местами он определяет прилинейные аулы. В законодательстве относительно новокрещенных считалось обязательным точно обозначить некоторые права и преимущества, например, какие-либо гарантии от стеснения новообращенных христиан мусульманами, права выбора в султаны, бии, старшины и т.п. Еще одна важная деталь, подчеркнутая священником - это оседлое водворение крещеных казахов, отмежевание и утверждение за ними несколько десятин земли. «Но это дело, как показывает опыт, продвигается вперед чрезвычайно медленно. Таким образом, оседлости киргизов нам не дожидаться еще долго, если они не услышат проповеди Евангельской. Единственный путь, как свидетельствует вековой опыт, для оседлого быта между кочующими, есть переход их в христианство» [2.788-790].

Данные заявления оказались в качестве неофициальной программы действия в деле евангелизации степняков. Дальнейшее развитие событий показали, что и нормативная база, и деятельность центральных и местных органов власти реализовало поэтапный план, описанные выше, как по ограждению ислама, так и в христианизации казахов.

Систематическая миссионерская работа среди казахов начинается в 1875 году, когда 21 ноября того же года был основан Оренбургский епархиальный комитет православного миссионерского общества (ликвидирован в 1918 г.). Он действовал на территории Уральской и Тургайской областей. В 1882 году была открыта Киргизская миссия в Томской епархии для Семипалатинской области, и, наконец, указом Синода от 30 апреля 1894 года была учреждена Киргизская миссия Тобольской епархии. В 1895 году с образованием самостоятельной Омской епархии Киргизские миссии Томской и Тобольской епархии были объединены в одну под управлением Омской епархии. Ее резиденцией стал Семипалатинск.

В трех огромных областях с 1883 года по инициативе оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества и «Киргизской духовной миссии» создаются 15 миссионерских станом, при них были открыты 17 миссионерских школ для детей казахов.

Деятельность упомянутых миссионерских станом и причтов, была «направлена на проведение русско-православных начал в степи, в целях слияния с русским населением и осуществлялась: а) путем миссионерских разъездов по киргизским степям, аулам, заимкам и хуторам со словом проповеди и б) путем миссионерских церковно-приходских школ и через русское население, живущее в области» [3.1 об.].

Центральные епархиальные органы составили подробную инструкцию, которой определялись обязанности областного миссионера, миссионеров заведывающих станами и миссионеров сотрудников, к которым относились все священники в городах и селах Северного Казахстана, подведомственные областному миссионеру. Это было сделано в целях упорядочения миссионерской деятельности лиц, служащих в Киргизской миссии. Так, инструкция к деятельности миссионеров станом, по заведыванию хозяйственной стороной жизни новокрещеных включала следующие пункты: а) он ежегодно составлял смету прихода и расхода местных сумм, поступающих от аренды русскими поселенцами земель новокрещеных казахов и через областного миссионера представлял ее на утверждение епархиального Комитета; б) осуществлял постройку жилищ и занимался благоустройством хозяйства вновь поселяющихся в поселке новокрещеных; в) избирал старосту для наблюдения за работами новокрещеных; г) самостоятельно производил расходование денежных сумм; д) вел приходо-расходные книги; е) в конце года представлял документальный отчет областному миссионеру-благочинному [4.4].

Помимо исполнения причетнических обязанностей, члены миссии совершали поездки с христианской проповедью по степи и русским селениям, где жили крещёные. В целом сфера деятельности миссионеров

была очень обширна: ими делалось все, что только возможно, “чтобы спасти по крайней мере некоторых”.

В проекте инструкции для Тургайского областного миссионера в Казахских степях и рапорта учителей, для обязательного выполнения служителями церкви по миссионерской части выделяем следующее:

1. миссионеры должны были совершать довольно частые по степям разъезды со словом проповеди, посещая русские заимки и казахские аулы;

2. после каждой поездки миссионер предоставлял в Епархиальный миссионерский комитет через областного миссионера краткий дневник, изобразив в нем, что он в миссионерском отношении сделал в приходе;

3. в начале года на общем собрании священников составлялось расписание лиц, которые совершали миссионерские поездки, и места, куда они должны быть направлены;

4. миссионеры и сотрудники предоставляли областному миссионеру к 20 июня и 15 декабря полугодовые и годовые краткие отчеты: а) по миссии вообще, б) по школам, в) по миссионерским церковно-приходским братствам, г) по церковно-приходским обществам трезвости. А областной миссионер составлял по ним общий отчет и предоставлял в Оренбургский епархиальный комитет православного миссионерского общества;

5. по миссионерским разъездам по степи миссионеры и сотрудники особенное внимание обращали на заимковые миссионерские школы, как к религиозно-нравственным центрам русской православной церкви [5.7-8].

Из ежегодных отчетов о деятельности станов, из индивидуальных отчетов миссионеров находим информацию о том, что в течение года веропроводники в миссионерских странствиях бывали не один десяток дней, и проходили не одну сотню верст. Так, из архивных документов узнаем, что областной миссионер Ф. Соколов совершил 14 поездок по Кустанайскому уезду, пробыл в пути по миссионерским разъездам 153 дня, сделал на лошадях 8557 в., на железнодорожном транспорте 2989 в. Священник Н. Сейфуллин совершил 14 поездок, в пути провел 120 дней, прошел и проехал до 1280 в. На подобные разъезды сотрудники миссии получали от 300 до 100 рублей в год. Особенно усердствовали на пользу миссионерского дела те священники, которые хорошо знали казахский язык и теоретические основы миссионерской деятельности – это миссионер Тургайского уезда А. Килячков, Актюбинского уезда А. Мозохин, Макарьевского миссионерского стана П. Николаев и многие другие [6].

Особый интерес вызывает дневник священника Георгиевской церкви г. Тургая за 1906 год, который в отчетном году совершил разъезды в 600 в. по аулам Тургайского уезда. В отчете он отразил не только свою миссионерскую службу, но и подробно описал влияние мусульманских мулл, школ и паломничества на религиозно-нравственные чувства коренных жителей, а также роль русско-киргизских школ в деле воспитания казахов в духе «русско-православной гражданственности» [7.1-15]. Такого же содержания является и рапорт священника Н. Сейфуллина о поездке от г. Оренбурга до г. Кустаная и беседах с казахами в аулах. Необходимо отметить

мнение Сейфуллина по отношению к казачьим поселкам по Оренбургскому тракту, «которые могли бы быть без всякой особой затраты миссионерских сумм прекрасными, не бросающимися в глаза миссионерскими пунктами». Но при этом пастыри и сами казаки должны были проникнуться сознанием важности миссионерских начинаний епархиального начальства [8.1-7].

При посещении казахских аулов, во время остановок при перемене лошадей или ночевок из-за позднего времени, миссионеры при всяком удобном случае, конечно при благоприятных обстоятельствах, старались завести разговор о вере, при неблагоприятных обстоятельствах при нежелании казахов говорить с миссионером, при их подозрительности, основанных на беседах с татарами, приходилось миссионеру говорить о необходимости русского образования для детей казахов и читали на казахском языке или из истории Ветхого завета. «Беседы эти с киргизами часто случайные, - говорится в одном архивном документе, - по вызову или заранее сделанным объявлением в аулах не бывает, да и не настало еще для времени. Во всяком случае, большинство киргизов знают, зачем так часто к ним русский мулла, и вовсе не вовремя остаются у них, то чай пить, то просится ночевать, когда еще до вечера свободно можно доехать до русского хутора, но, зная это, все-таки большинство из них радушно принимают миссионеров и угощают, чем Бог послал, правда, бывают и исключения, но это редко и большей частью в аулах, где проживают или мулла, или суфий, или хазрет» [3.7 об.-8]. Из приведенного отрывка удивляешься тому, что, несмотря на неуместный, возможно и неприятный для казахов визит со стороны миссионера, они все же не могли поступиться своим врожденным уникальным качеством гостеприимства и с радушием принимали всех, кто находился в пути.

Таким образом, миссионерская деятельность в станах Северного Казахстана в конце XIX – начале XX вв. выражалась в непосредственном и посредственном воздействии на мусульманскую степь. Непосредственное христианское воздействие на казахскую степь выражалось в многочисленных продолжительных миссионерских разъездах по казахским аулам со словом проповеди, как миссионеров станов, так и их помощников и миссионеров-сотрудников. Во время разъездов по русским заимкам в казахской степи, веропроводники останавливались в аулах, раздавали желающим книжки и брошюры религиозно-нравственного содержания. Одной из целей этих поездок было посещение миссионерами русских поселенцев области, совершение среди них христианских треб, наблюдение за школами, находящимися в ведении миссионерских станов.

Посредственное же проведение в жизнь народов, населяющих территорию Северного Казахстана, христианских начал совершалось:

- 1) путем поднятия религиозно-нравственного уровня русского населения степи, призванного к задаче привлечения инородцев в лоно русской гражданственности и культуры на почве православия;
- 2) вырабатывался проект, применительно к местным условиям, миссионерских церковно-приходских братств для борьбы с исламом.

Например, для объединения пастырей в борьбе с мусульманством Св. Синод в 1910 году в Оренбургской епархии учредил особую должность общеепархиального противомусульманского миссионера. На эту должность 21 сентября 1910 года был назначен К. Меркурьев, окончивший курс в Казанской духовной академии по противомусульманскому миссионерскому отделению [9.74];

3) велись религиозно-нравственные народные чтения в зданиях миссионерских школ каждый воскресный и праздничный день, при участии миссионеров станов, учителей миссионерских школ и их помощников.

Эти меры применялись не только в местах нахождения миссионерских станов, но и в других наиболее крупных центрах русского населения края. «Но самым лучшим средством в деле воспитания русского населения в духе христианской веры и через него (русского населения) воздействия в миссионерском отношении на инородцев-киргиз были, несомненно, школы: миссионерские поселковые и заимковые, обучавшие в течение года около 1400 человек» [10.32].

Главнейшими задачами церковных школ составляли не только образование и воспитание православного населения края, но и обучение казахов русской грамоте, объединение их с русскими с помощью ознакомления с обычаями и мировоззрением русских людей. По мнению чиновников: «Постоянные школьные сношения детей, воспринимающих быстро общее направление русской государственной жизни к тому же способствует к уменьшению мусульманского фанатизма и противодействует сепаративному началу киргизского населения» [10.26].

Усилиями миссионеров были подготовлены переводы на казахский язык Нового Завета, житий святых, утренних и вечерних молитв, различных богослужебных песнопений. Перенимался опыт Алтайской миссии по созданию мужских и женских монастырей, которые принимали новокрещеных послушников и послушниц и приучали их к христианской вере. В конце XIX века были построены Иверский женский монастырь в г. Кустанае и Николаевский мужской монастырь на урочище Кара-Оба Кушмурунской волости Петропавловского уезда [11.49].

Немало послужил миссионерскому делу Кустанайский женский монастырь. В 1908 году в своих стенах монастырь пристроил выходцев из мусульманской среды 2-х русских девиц Бондаренко и Дементьеву и принявших усердное участие в их «научении». Протоеирей Соколов, бывая в монастыре, каждый раз приглашал сестер взять на себя труд к просвещению православной вере окрестных мусульманок-казашек, приводя им в пример монахиню Манефу (крещеная казашка) по Уральской области, трудами которой было выкрещено до 200 казахов [12.6-6 об.].

Тем не менее, тенденция перехода из православия в ислам и инославные конфессии, усилившаяся с 1905 года, с каждым годом набирала темпы. Причины этого явления можно охарактеризовать выдержкой из статьи, опубликованной в журнале «Сибирские вопросы» в 1912 году: «Долгое запрещение всякого инакомыслия в вопросах веры, преследование

уклонявшихся мерами полицейскими поставили представителей господствующей церкви в особое положение. Они образовали духовную администрацию, утратив функции учительства и оставив в себе лишь функции надзора. И когда надо было взяться за учительство, не оказалось действенной силы, и, намечая планы будущей работы, не пошли дальше резолюции о новых штатах и новых ассигнованиях» [13.54-61].

Наиболее важным фактором в неудачах православной миссии признавались негативные стороны жизни епархии, связанные с компетенцией священнослужителей. Приведем пример о деятельности священника Василия Динкова из села Федоровского Петропавловского уезда описываемого в статье под названием «Черная епархия» журнала «Сибирские вопросы»: «В. Динков не безызвестен по корреспонденции омских газет. У него есть маленькая странность: печалась чуть ли не в каждой проповеди о некультурности и темноте народной, он в то же время всевозможными способами старается тормозить постройку в селе русско-киргизской 2-х классной школы министерства народного просвещения». Новое строение, предназначенное для школы В. Динков прибрал к своим рукам, а для 2-х классного училища была перестроена старая аульская школа. Как видим, не все служители культа были чисты и благородны в своей деятельности, многих тянуло в далекие и «дикие» степи не высокие идеалы христианской миссии, а обыкновенное чувство наживы. Резюмируем выше описанное выдержкой из той же статьи: «получается ненормальное явление: не священник для прихода, а приход для священника, ведущего с прихожанами ожесточенную, упорную борьбу» [14.25-28].

Из всего сказанного заключаем, что число крещеных казахов и возвратившихся в лоно церкви не увеличилось по сравнению с тем периодом, когда миссионерская работа вообще не велась. К началу XX века, в связи с усилением революционного движения в России, деятельность царизма по христианизации казахов заметно ослабла. Это объясняется следующими обстоятельствами. С 1906 года резко сократились ассигнования на миссионерскую деятельность, государство вообще прекратило оказывать материальную помощь новокрещеным. В памятной книжке Акмолинской области за 1907 год говорится о том, что отчетный год не мог быть отнесен к числу благоприятных в жизни и деятельности Миссионерского общества. Общество испытывало острую нужду в материальных средствах, так как все сборы и пожертвования, которые исключительно составляли средства Общества, продолжали уменьшаться. Поэтому Совет Общества поставлен был в необходимость сокращать ассигнования на миссии и миссионерские учреждения и отказывать в удовлетворении просьб, что не могло не отозваться негативно на миссионерском деле [15.220].

Значительное ослабление темпов христианизации среди казахов можно объяснить рядом причин: 1) региональные организации, занимавшиеся христианизацией казахов, испытывали некоторые трудности в нехватке высококвалифицированных кадров. Подготовка миссионерских кадров производилась за пределами территории Казахстана. 2) С 1906 года

сократилось финансирование миссионерской деятельности. 3) Новокрещенные в материальном отношении оставались в гораздо худшем положении, чем до принятия христианства. 4) Нельзя не согласиться с мнением самих миссионеров, что православное русское население региона не показывало примера в лучшем почитании своей веры. 5) Несоответствие религиозного просвещения, предложенного русской православной церковью, духовным потребностям большинства мусульманского населения привело к тому, что характер его распространения приобрел оттенок навязывания, внедрения в сознание против воли. Поэтому политика христианизации не была осуществлена в социальной практике.

1. Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). Том 1. А-А., Москва: Казкрайиздат, 1935.
2. Сотников И. Несколько слов о возможности учреждения миссии между киргизами Средней Орды // Православное обозрение. 1872, май.
3. Государственный архив Оренбургской области (далее - ГАОрО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 31 а.
4. ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 11 а.
5. ГАОрО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 12.
6. ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 25а. Л. 57 об. – 61; Д. 18, Л. 367-369.
7. ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 40.
8. ГАОрО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 13.
9. Обзор Тургайской области за 1899 г. Оренбург, 1900.
10. Обзор Тургайской области за 1911 г. Оренбург, 1912.
11. Государственный архив Омской области. Ф. 16. Оп. 1. Д. 121.
12. ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 48 а.
13. Коптева А. Миссионерская деятельность в Сибири // Сибирские вопросы. 1912, 28 февраля, № 7-8.
14. Черная епархия // Сибирские вопросы. 1911, 8 января, № 1.
15. Памятная книжка. Адрес-календарь Акмолинской области на 1909 г./ Астана. История столицы и края XIV-XIX вв. Составитель С. Алдан. – Астана: Фолиант, 2006.

Резюме

В статье освещается деятельность православных миссионеров в деле христианизации казахов Северного Казахстана в период со второй половины XIX – начала XX вв.; рассматриваются методы и приемы миссионерской деятельности православных духовных служителей и причины ослабления темпов этого процесса.

Резюме

Мақалада православиялық миссионерлердің XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың бас кезеңінде Солтүстік Қазақстанның

қазақтарын христиан дініне енгізу бағытындағы іс-әрекеттері баяндалған; православиялық дін қызметкерлерінің миссионерлік жұмыстарындағы қолданылған әдіс-тәсілдері және бұл үрдістің қарқынының бәсеңдеу себептері қарастырылған.

Summary

The activity of Orthodox missionaries in Christianization of Kazakhs in North Kazakhstan during the second part of XIX c. by the beginning of XX c. is lighted in the article. The methods and ways of missionaries' activities of spiritual servants and the reasons of slackening of the temper of the process are considered.